

ФЕДОР
ГЛАДКОВ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ФЕДОР ГЛАДКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**В ВОСЬМИ
ТОМАХ**

**Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958**

ФЕДОР ГЛАДКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ
ВТОРОЙ

ЦЕМЕНТ
(роман)

РАССКАЗЫ
(1927—1929)

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

Примечания В. А. Краси льни ко ва

Оформление художника

Б. Шварца

ЦЕМЕНТ

Р о м а н

І. ПУСТЫННЫЙ ЗАВОД

1

У порога гнезда

Так же, как три года назад, в этот утренний час раннего марта море за крышами казарм и аркадами завода кипело солнцем, а воздух между горами и морем был винный, в огненном блеске. И голубые трубы, и железобетонные корпуса завода, и рабочие домики Уютной Колонии, и ребра гор в медной окалине плавились в солнце и были льдисто-прозрачны.

Ничто не изменилось за эти три года. Дымные горы в отеках, оползнях, каменоломнях и скалах — такие же, как были и в детстве. Издали видны знакомые разработки по склонам, бремсберги в камнях и кустарниках, мосты и лифты в узких ущельях. И завод внизу — тот же: целый город из куполов, башен и цилиндрических крыш, и та же Уютная Колония по склону горы, над заводом, с чахлыми акациями и двориками в две квадратных сажени у каждого крыльца.

Если войти в пролом бетонной стены, отделяющей заводскую территорию от городского предместья (была калитка, а теперь пролом), во второй казарме — квартира Глеба.

Сейчас встретит его жена Даша с дочкой Нюшкой, вскрикнет и замрет на груди, потрясенная радостью.

Даша не ждет его, и он не знает, что испытала она без него за эти три года. Нет в стране троп и дорог, не смоченных человеческой кровью: прошла ли здесь смерть только по улице, мимо рабочих конур, или в огне и вихре разметала и его гнездо?

За стеной, на пустыре, играли чумазые детишки, бродили пузатые козы со змеиными глазами и обгладывали кусты акаций.

А петухи изумленно вскидывали навстречу Глебу красные головы в сердитом окрике:

— Эт-то кто такой?

И сердцем слышал Глеб, что и горы в развалинах каменоломен, и трубы, и рабочий поселок гремят глубоким подземным грохотом...

С горы видно, как между каменными корпусами завода стекают вниз к морю, к пирсам, триумфальными арками, в виде гигантской буквы Н, бетонные устои канатной дороги. Струнами натянуты между ними стальные канаты с застывшими в полете вагонетками, и под ними — ржавая железная кисея предохранительной сетки. И там, на конце каботажа, над ажурной башней, — распластанные крылья электрического крана.

Хорошо! Опять — машины и труд. Новый труд — свободный труд, завоеванный борьбой — огнем и кровью. Хорошо!

Кричат вместе с детишками козы. Пахнет нашатырной прелью свиных закут. И всюду — бурьян и улочки, засоренные курами.

Почему — козы, свиньи и петухи? Раньше это строжайше запрещалось дирекцией.

Навстречу, по дорожке, шли гуськом из Уютной Колонии три бабы с барахлом под мышкой. Впереди — старуха, облика бабы-яги, а две позади — молодые: одна — пухлая, грудастая; у другой — глаза красные и веки красные, а на лицо козырьком натянут платок.

В старухе Глеб узнал жену слесаря Лошака; полнотелая — жинка слесаря Громады, а третья оказалась незнакомой.

Он козырнул им в радостном волнении.

— Здравия желаю, товарищи женщины!

А они поглядели опасливо и обошли его. И только жена Громады весело огрызнулась:

— Ну, ну, проваливай мимо! Не наздравствуешься с каждым...

— Да что вы, бабы? Не узнали меня, что ли?

Старуха Лошака остановилась и басом сказала не ему, а себе:

— Да это ж — Глеб! Господи! С того света свалился...

И пошла спокойно, угрюмо своей дорогой.

А Громадиха засмеялась и ничего не сказала. Только издали, от самой стены, оглянулась и затараторила:

— Торопись, Глеб Иванович, — беги! Поиграй в жмурки с своей Дашей... Найдешь — опять поженишься.

Глеб поглядел на женщин и не узнал в них прежних приветливых соседок. Здорово, должно быть, потрепала жизнь заводских баб!

Та же ограда у двора в две квадратных сажени, и тот же в улицу сортир будкой. Только покорежило ограду — и время и зимние норд-осты, — и сизая шелуха зашелудивила доски.

Вот сейчас с криком выбежит Даша. Как встретит она его, пришедшего из огня и смерти? Может быть, она считает его погибшим, а может быть, ждет его каждый день с того самого часа, когда он глухой ночью оставил ее одну с Нюрой в этой конуре?

Он бросил сумку на землю, а шинель на ограду. Постоял, вскинул руки вверх и в стороны, чтобы успокоиться, и вытер пот с лица рукавом гимнастерки.

И только что хотел подняться на крыльцо — дверь распахнулась.

Женщина в красной повязке, смуглая, густобровая, в мужской косоворотке, стояла в черном квадрате двери и смотрела на него с изумлением. И когда она встретила улыбку Глеба, в глазах у нее вспыхнула испуганная радость.

Знакомый вздрагивающий подбородок, и чуть припухшие девичьи щеки, и яблочком нос, и поворот

головы вбок при пристальном взгляде, и прежние упрямые брови — это она, Даша. А всё остальное (что — не назовешь сразу) — чужое, не виданное в ней раньше никогда.

— Дашок, жинка!.. Родная! Ну!..

И бросился к ней, задыхаясь от бурного волнения.

А Даша как стала в дверях, на верхней ступеньке крылечка, так и застыла, только растерянно отмахнулась от Глеба, как от привидения. И тихо пролепетала, густо краснея:

— Это — ты?.. Ой, Гле-еб!.. Милый!..

А в глазах, в черной глубине, вспыхивал неосознанный страх.

И как только обнял ее Глеб и впился в ее губы — сразу ослабела она и замерла до потери сознания.

— Ну вот... жива и здорова, голубка...

А она не могла от него оторваться и по-ребячьи лепетала:

— Ой, Гле-еб!.. Как же ты так... Я и не знала... Откуда же ты взялся?.. И так... неожиданно!

И смеялась, и прятала у него голову на груди. А он всё прижимал ее и чувствовал, как бьется ее сердце, как вся она дрожит в неудержимом трепете.

Они отрывались друг от друга, опьяненно вглядывались в лица, в глаза, смеялись и опять бурно обнимались.

Глеб вскинул ее на руки, как ребенка, и хотел унести в комнату, как бывало в первые дни женитьбы. Но Даша вырвалась и с лукавой усмешкой стала оправляться.

— Ух, как распалился!.. И я как сумасшедшая...

Причесывая гребенкой волосы и тяжело дыша, она пятилась от него к калитке. Но вдруг спохватилась и крикнула испуганно:

— Ой, опоздала!.. Бежать, бежать надо, Глеб!..

И уже серьезно, но еще взволнованно говорила:

— Зайди в завком и запишись на паек. Мне страшно некогда. Ах, Глеб... ах, товарищ!.. Даже не верится... совсем стал другой — новый... и родной и чужой.

— Что такое? Дашок!.. Ничего не пойму...

Даша уже стояла у калитки и улыбалась.

— Я обедаю в городе, в столовой напита, а хлеб получаю в парткоме. А ты зайди в завком, зарегистрируйся на хлебную карточку. Два дня я не буду — очень срочная командировка в деревню... Пока отдыхай с дороги. Сейчас выезжаю — ждет подвода. Никак не могу...

— Да подожди же, Дашок... Как же так?.. Не успел носа показать, а ты удираешь...

Он ринулся к ней и сгреб со всего размаху. А она с ласковой настойчивостью опять освободилась.

— Да скажи мне, Дашок, что это значит...

— А я — в женотделе, Глеб.

— Как в женотделе? А Нюрка?.. Где же дочка?

— Нюрка — в детдоме. Иди отдыхай. Мне ни минуты нельзя... Разговор у нас будет потом... Сам понимаешь: партдисциплина.

И побежала быстрыми шагами. Красная повязка упрямо дразнила его до самой стены, звала за собою и смеялась.

А потом, у пролома, Даша оглянулась, помахала ему рукою и сверкнула зубами.

Глеб подбежал к заборчику и крикнул:

— Дашок! А Нюрочка-то как же? Должно быть, большая... Я забегу к ней. В каком это доме?

— Нет, нет, не смей! Вместе сходим. А пока отдохни.

Глеб стоял на крылечке и, пораженный, смотрел на уходящую Дашу: никак не мог понять, что случилось.

Три года провел в громе гражданской войны. Эти три года горел он в вихре грозных событий... А как прожила эти годы Даша?..

Вот он пришел к своему гнезду, откуда бежал когда-то в безлюдную ночь. Вот опять тот завод, где он гарью и маслом пропитался еще маленьким шкетом. А гнездо — пусто, и Даша встретила не так, как он мечтал.

Он присел на ступеньку крыльца и сразу почувствовал, что очень устал. И не оттого устал, что прошел

четыре версты от вокзала, а устал от этих трех лет и от этой странной встречи с Дашей.

Почему эта необычная тишина? Почему стрекочет воздух и куриный шелест ползет по Уютной Колонии?

Не корпуса, а тающие льдины, и трубы голубеют стеклянными цилиндрами. На их вершинах уже нет копоты: сдули их горные ветры, а на одной из труб стрела громоотвода вырвана с корнем — бурей? человеческими руками?

Здесь никогда не пахло навозом, а вот теперь вместе с травой, ползущей с гор, гнилью зацвел пряный скотий постой.

Вон, в том корпусе под горой, — слесарный цех. Трехсаженные окна в эти часы ослепительно пылали когда-то солнцем в бесчисленных переплетах рам, а сейчас в разбитых стеклах — черная пустота.

И город за бухтой, на взгорье, — тоже иной: поседел, покрылся плесенью и пылью, сровнялся со склоном горы, — не город, а заброшенная каменоломня.

А вот оставленная Дашей открытая дверь в пустую комнату... Внизу, в долине, потухший, забытый завод...

Подошел к ограде петух, задрал голову и посмотрел на Глеба одним глазом, зло и недружелюбно.

— Эт-то кто такой?

2

М б р о к

Напротив, через улочку, в каменном домике с открытыми окнами скандалил пьяный бондарь Савчук. Истерически визжала Мотя, его жинка.

Глеб прислушался и оживился. Он поднялся и пошел к савчуковой квартире. В комнате было грязно и смрадно. На полу были разбросаны табуретки и одежда. Жестяной чайник дрябло лежал на боку. И всюду была рассыпана мука. Мотя лежала на мешке с картошкой и прижимала его к груди, а Савчук, в разорванной рубашке, лохматый, рычал и колотил Мотю и кулаками и босыми ногами.

Глеб подхватил его сзади под мышки и оттащил назад.

— Савчук! Осатанел ты, что ли! Черт бородатый!.. Ну-ка, отдышись маленько...

Савчук озибался, как чумной, и рвался из рук Глеба.

Мотя опиралась на руку, а другою тянула юбку на голые ноги и визгливо плакала.

Савчук смотрел на Глеба и не узнавал его.

— Это что еще за идолова душа? Ну-ка, проваливай, пока я не набил тебе холку...

Глеб засмеялся, как свой человек.

— Савчук, друг мой!.. Пришел к тебе в гости — принимай, брат.

В ошалелых глазах Савчука вспыхнуло сознание. Он шлепнул по полу грязной ногой и взмахнул руками.

— Хо, идолова душа!.. Глеб, брат ты мой, Чумалов!.. Какая тебя сатана выдрала с того света?.. Сукин ты сын!..

И облапил его со всего размаху. Он тыкался мокрой бородой в лицо Глеба и хрипло дышал смрадом сивухи. Потом отпрянул от него, толкнул ногой Мотю и засмеялся.

— Вставай, Мотья! Отложим до другого разу. Посижу, я с ним, с идоловой душой, Глебом, поплачу. Вставай! Целуй друга-товарища Глеба, а остальное — до другого разу...

Мотя сидела на мешке и плакала.

Глеб подошел к ней и протянул ей руку.

— Ну, Мотя, молодчина. За права свои ты здорово дерешься. Здравствуй, дорогая!

Она злобно огрызнулась:

— Отваливай, пожалуйста! Много вас прохлаждается на чужой счет.

— Не уйду, Мотя! Угощай пышками, жареном, чаем с сахаром — ты же мешочница...

Глеб смеялся, играл с Мотей — ловил ее руки, ласково подставлял себя под удары.

— Чего ты меня гонишь, Мотя? Я и так три года был на войне. Нет, чтобы обрадоваться... так, извольте-с, я же ей и враг... А вспомни, какая ты девка была

боевая!.. Хотел я на тебе жениться, да отшиб Савчук, окаянный бондарь...

Мотя опомнилась, испугалась, точно впервые заметила Глеба.

— Ой, что же это такое?.. Ведь это же ты — Глеб Иванович...

Савчук пьяно захохотал.

— Это же — не баба, Глеб, а жаба. Ежели ты — мой друг, застрели ее из своего пулемета... — И вдруг застонал в отчаянии: — Нет у меня жизни, Глеб, а она жизнь свою спрятала в мешок... Ограбили нас, Глеб!..

Мотя встала и измученно прислонилась к стене.

— Ведь у меня были дети, и я была богатая мать... Где они, Глеб Иванович?.. Зачем я такая живу?..

Она смотрела на Глеба мутными от слез глазами. И дрожащими руками одергивала юбку, на коленях и теребила кофту на груди.

Да, не та стала Мотя. Когда-то была ласковая, приветливая, ясная. Помнил ее Глеб в крикливом выводе ребятишек, нежной хлопотухой, воркотуньей-наседкой.

Савчук сел на табуретку и ударил кулаком по столу.

— Дожили, брат, доехали, Глеб!.. Страшно мне, братуха: не смерти боюсь, смерти мне нет. Мòрока мне страшно и дикого места. Вот он — гляди... Не завод, а сорная яма, козье гнездо... Нет его... А ежели нет его — где же я, Глеб?..

Мотя смотрела на него застывшими глазами. И вдруг конфузливо улыбнулась.

— Оденься, буйвол!.. Возьми вон рубаху... Ведь босяк босяком.

Глеб засмеялся.

— Чудаки вы, ребята!

— Мотька, жинка!..

Савчук подошел к ней, поднял ее, как девочку, и поднес к Глебу.

— Вот тебе моя Мотька... целуйтесь, идоловы души!..

Из-за горы бездымные верхушки труб прозрачно хрусталились пустыми стаканами. И по ребрам гор-

ного массива, мохнатого от бурых зарослей, держи-дерева и туи, по ржавому бремсбергу, мертвыми черепахами валялись ковши вагонеток.

— Завод... Что было и что есть, друг ты мой Глеб!.. Вспомни, как в бондарнях пели пилы. Какая была музыка!.. Красота!.. Эх, товарищ милый!.. Я же вылупился здесь из яйца...

Тосковал по бывшему заводу Савчук, оплакивал могилу минувшего труда, и глаза его заливались слезами. И в скорби своей он похож был на слепого, с той же слезной улыбкой и высоко поднятой головой.

Стояла рядом с ним Мотя, и была она такая же, как он, — слепая и слезная.

— Я — вся для дома... Я — вся для гнезда и детей. Зачем же ты рушишь последнее?..

— Мотька, чтоб я делал то же, что другие?.. Зажигалки? или кадушки клепал для мужиков?.. Пускай ты — бродячая собака... Лучше я сгибну, а не продам души своей черту...

И он опять ударил по столу кулаком и заскрипел зубами.

А Мотя стояла и бредила, как во сне:

— Было у нас богатое гнездо, Глеб Иванович... Было... А где оно? Сгибли, сгорели наши ребятки... Ну куда я такая? На что я годна? Разве можно так жить? Вся изошлась я слезами... Не могу я, не могу, Савчук!.. Вот пойду по дорогам и подберу безродных дитят...

Взволновался Глеб и обнял Савчука.

— Ты — мой старый товарищ, Савчук. Еще ребятами пошли мы с тобою на работу. И не наша ли подруга была Мотя? Ты сидел здесь совой и кликал беду по ночам, а я дрался с врагами... Пришел вот — и гнезда своего нет, и завода нет... Мотя — хорошая баба... Будем собирать силы, Савчук... Мы биты, но мы научились и бить... Здорово научились, Савчук... Поверь!..

Савчук ошалело глядел на него и крутил головою.

Мотя прислонилась к Глебу, охватила рукою его шею.

— Глеб, родной!.. Савчук — хороший... Он, ей-бо,

очень хороший... Ах, Глеб, мне ничего не надо... Только бы опять моя грудь налилась молоком... Какая судьба, Глеб!..

— Мотька, не ласкайся к нему невестой: он еще не твой кавалер...

Глеб пожимал руку Моти и смеялся.

— Чудаки вы, ребята!

3

Машины

От Уютной Колонии к завкому можно было идти двумя дорогами: по шоссе, вдоль заводских корпусов, и по путаным тропам на предгорных сбросах, через кустарники, каменные отвалы и широкие площадки бывших разработок.

Отсюда завод был виден во всей массе сложных нагромождений: вышки, арки, виадуки, железобетонные и каменные громады зданий, то воздушно-легких, как гигантские пузыри, то кубически-строгих в своей простоте и архитектурной тяжести. Они громоздились, спаянные друг с другом, или монолитно вырастали из горы на разной высоте. А в горных ущельях, по разрушенным бремсбергам, засоренным камнями, брошенными вагонетками и сизым от пыли кустарником, под скалами, над скалами, на отвалах брекчии, одиноко, вразброс, неожиданно высекались из голубого цементняка маленькие домики. Каменоломни радужными террасами ступенились вниз, в ущелья, и исчезали в буйных зарослях молодого леса. И море за заводом струилось миражами от мыса к мысу. От города, с той стороны залива, и от завода в бухту тетивую натягивались два мола с маяками на концах. И видно, как к заводу и пристаням необъятно струились полукружия зыби и раскладывались у берегов снежными бурунами.

Тот же вид, как три года назад. Но тогда и завод и горы потрясались от внутреннего огня. А от скрытого грохота машин и электрического воя заводские